

мастер криминальных тайн

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь — как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он — вот, он есть, я был.

Владислав Ходасевич.
«Ищи меня»

Когда же мы наконец собираемся с духом и вопрос задаем, то нередко нам уже не отвечают, как ничего не ответит, промолчит Иисус, когда однажды его спросят: «Что есть истина?» Вплоть до наших дней длится это молчание.

Жозе Сарамаго.
«Евангелие от Иисуса»

Глава 1

Когда раздался телефонный звонок, он просматривал выпуски свежих газет в Интернете и недовольно покосился на аппарат. После четвертого звонка включился автоответчик, сообщивший, что хозяина нет дома и можно оставить сообщение. Но услышав голос академика Бурлакова, с которым был знаком уже много лет — тактичный Бурлаков почти никогда не звонил на мобильный, предпочитая оставлять сообще-

ния на городском номере, — Дронго сразу поднял трубку.

— Добрый вечер, Георгий Александрович, — поздоровался он. — Чем обязан вашему звонку?

— Здравствуйте, — сказал Бурлаков, — я рад, что застал вас дома. Должен заметить, что ваше последнее расследование в хосписе было просто уникальным. Говорят, вы выступили там не только в качестве эксперта, но и в качестве своеобразного целителя душ.

— Это просто слухи, — вздохнул Дронго. — Вы же знаете, что там, к большому сожалению, практически никому невозможно помочь, только немного облегчить их страдания.

— И вам это удалось. Но я звоню совсем по иному поводу. Дело в том, что ко мне уже несколько раз приходил профессор Гуртуев. Вы наверняка о нем слышали. Он — специалист по психоанализу, один из самых известных в этой области. Каким-то образом Гуртуев узнал, что вы мой близкий знакомый, и теперь настоятельно просит

свести вас с ним. Мне не хотелось вас беспокоить, но он настаивает.

— Я слышал о нем, — сдержанно произнес Дронго.

— Тем лучше. Может, вы сумеете найти время, чтобы с ним встретиться?

— Разумеется. Дайте ему номер моего телефона.

— Спасибо. Я не мог этого сделать без вашего разрешения. Полагаю, вам любопытно будет с ним поговорить — у него довольно интересная теория. Спасибо, что вы согласились, — еще раз поблагодарил Бурлаков. — До свидания.

— Всего хорошего!

Уже через десять минут Гуртуев позвонил. Очевидно, он с нетерпением ждал согласия Дронго.

— Добрый вечер, это говорит Казбек Измайлович Гуртуев. Простите, что воспользовался помощью академика Бурлакова, но без него мне трудно было бы на вас выйти.

— Все нормально, — ответил Дронго. — Когда вы хотели бы со мной встретиться?

— В любое удобное для вас время, —

предложил Гуртуев, — но только, если можно, в приватной обстановке. Вы меня понимаете? У меня с собой будут документы, бумаги, и нам никто не должен помешать.

— Тогда приезжайте на проспект Мира. — Дронго назвал номер дома, где изредка принимал особых гостей. Там обычно дежурили Леонид Кружков и секретарь Инга, разбиравшие почту и отвечавшие на телефонные звонки. Иногда появлялся Эдгар Вейдеманис, напарник и друг, с которым их связывала многолетняя дружба. И почти никогда — сам Дронго, приезжавший туда только ради сверхважных встреч.

— Обязательно приеду, — пообещал Гуртуев. — В котором часу вам удобно?

— Часам к двум, — предложил Дронго, и они вежливо попрощались.

Дронго сразу же позвонил Кружкову и Вейдеманису и предупредил их о завтрашней встрече. Эдгар на всякий случай решил уточнить:

— Это не тот ученый, который занимается психоанализом преступников?

— Именно тот, — подтвердил Дронго. —

Он попросил назначить встречу в таком месте, где нам никто не сможет помешать, но, надеюсь, не станет возражать против твоего участия в беседе.

На следующий день ровно в два часа дня в его небольшой кабинет вошел профессор Гуртуев. Ему было примерно под шестьдесят, среднего роста, с большой головой, почти лишенной растительности, в крупных роговых очках. Щеточка седых усов делала его гораздо старше своих лет. Мясистое лицо, узкие азиатские глаза с нависшими мешками, очевидно почки не в порядке. Он был одет в строгий черный костюм в крупную белую полоску. В руках — черная кожаная папка с документами. Рукопожатие его было достаточно энергичным и сильным. Увидев в кабинете Вейдеманиса, он не выразил никакого удивления и представился обоим напарникам:

— Казбек Гуртуев.

— Меня обычно называют Дронго, — произнес традиционную фразу хозяин кабинета. — А это — мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис.

— Я наслышан о нем, — чуть улыбнулся Гуртуев, повернувшись к Эдгару. — Кажется, вы раньше работали в КГБ, господин Вейдеманис?

— Мы все где-то когда-то работали, — недовольным тоном заметил Эдгар. — Вы считаете это недостатком?

— Скорее достоинством, — кивнул гость. — Не забывайте, что я старше вас и большую часть жизни прожил в стране, которой уже нет. А тогда умели готовить профессионалов.

— Согласен, — улыбнулся Дронго и предложил Гуртуеву кресло.

Они с Вейдеманисом были примерно одного роста, оба высокие, подтянутые, такие похожие и не похожие друг на друга. Вейдеманис — типичный латыш, с вытянутым узким лицом, рысьими серыми глазами и с копной темных волос, уже начинающих седеть. Гуртуев сел в кресло, раскрыл свою папку и достал документы.

В этот момент в кабинет вошла Инга и спросила, что будет пить гость. Он попросил обычный, крепко заваренный чай. Сек-

ретарша знала, что Вейдеманис пьет кофе без сахара и молока, а Дронго предпочитает зеленый чай с жасмином. Она кивнула и быстрым шагом удалилась.

— Я много слышал про ваши расследования, — начал Казбек Измайлович, — и давно хотел с вами лично познакомиться. Но немного беспокоился, что вы, как бы это лучше выразиться, не воспримете серьезно то, что я вам расскажу. Мне нужны были рекомендации такого солидного человека, как Георгий Александрович.

— Мы уже закрыли этот вопрос, — напомнил Дронго. — В любом случае я привык серьезно относиться к словам моих собеседников, иначе просто занимался бы другим делом. Тем более к словам такого известного ученого, как вы.

— Спасибо. Итак, начну. Я пришел со своей теорией и хочу вас с ней познакомить. Я — ученый, и меня интересуют конкретные факты, сравнительные анализы, психотипы преступников, математические закономерности или возможные погрешности в подобных преступлениях. Я занима-

юсь этим уже достаточно давно, более тридцати пяти лет. Как мне кажется, за эти годы удалось получить некоторые результаты, и толчком стал случай, происшедший в Смоленске больше двадцати пяти лет назад. Серийный убийца, некто Волков, которого искали по всему Союзу, оказался в этом городе. Потом его осудили и расстреляли, но дело не в этом. Он уже знал, что его ищут и кольцо вокруг него сжимается, поэтому прятался, менял адреса, переезжал из города в город, пытаясь сбить со следа следователей. А в Смоленске совершил очередное убийство. Меня тогда вызывали к нему в качестве эксперта, и Волков рассказал мне поразительную историю. Он приехал в Смоленск с твердым намерением совершить очередное преступление. Волков — педофил и нападал в основном на мальчиков. Спрятался около какой-то школы и терпеливо ждал, пока не появится кто-то из детей. Наконец мимо него прошли, друг за другом, четверо мальчиков, и у него была возможность напасть на каждого из них. Четверо детей, в возрасте от восьми до де-

сяти лет. Но он спокойно пропустил троих, напал на четвертого. Мне стало интересно, почему он выбрал именно четвертого. И знаете почему?

Дронго нахмурился. Он не любил истории про подобного рода маньяков и насильников, но не стал перебивать собеседника. Гуртуева явно волновала эта тема, и он продолжил:

— К тому времени мы уже работали с подобными преступниками. Я понимал, что у педофила, как у любого другого человека, могут и должны быть свои пристрастия, понимал, что один мальчик мог понравиться больше, чем другие. Такое вполне возможно и объяснимо с точки зрения психологии. Но выяснился абсолютно парадоксальный факт: среди троих ребят, прошедших мимо перед четвертым, оказавшимся жертвой, был его брат-близнец. Он прошел на несколько минут раньше, так как торопился домой и не стал ждать брата. Этот поразительный случай меня очень взволновал. Почему убийца пропустил одного близнеца и напал на другого? Ведь даже родной отец

их часто путал, не говоря уже о том, что оба брата были одинаково одеты, одинаково причесаны. Тогда в чем дело? Почему преступник выбрал именно четвертого? Я разговаривал с убийцей, пытаюсь понять, что же все-таки за этим стоит? Он долго не хотел отвечать, а потом разоткровенничался и объяснил, что каким-то непонятным образом почувствовал — на первых трех лучше не нападать, а выбрал именно четвертого. Как зверь, нападающий на свою добычу, чувствует панику и вибрацию страха возможной жертвы, так и он ее почувствовал. Если же хищник интуитивно понимает, что встретит возможное сопротивление или потерпит неудачу, тут же отступает.

— Этот подонок чувствовал свои жертвы? — нахмурился Дронго. — А может, все проще? Может, четвертый мальчик приглянулся ему больше тех трех?

— Тогда почему не приглянулся его брат-близнец? Убийца так и не смог внятно объяснить выбор своей жертвы. Все время твердил, что он просто чувствовал. Я начал изучать сравнительные характеристики

всех четверых детей. Обычные ребята из среднестатистических семей, и одеты одинаково: белые рубашки, темные брюки, красные галстуки, у всех в руках почти одинаковые портфели. А второй даже задержался в подъезде дома, чтобы выкурить сигарету. Это в десять-то лет. Но убийца, стоявший этажом выше, его не тронул. Тогда в чем дело? Я занимался этим вопросом несколько месяцев. Потом уточнил, что ребят звали Владимиром, Игорем, Семеном и Алексеем. Алексей был братом-близнецом Владимира. Вот такой интересный факт.

— Я не совсем вас понимаю. Вы считаете, что убийца выбирал их по именам?

— Разумеется, нет. Он не знал имени ни одного из этих мальчиков. Но погиб именно Алексей, это самое хрупкое имя среди остальных.

— Что значит «хрупкое»?

— Не такое защищенное, как остальные, — пояснил Гуртуев.

— Теперь понятно, — сказал Дронго. — Вы считаете, что есть имена, защищающие от преступников, а есть так называемые

«хрупкие», незащищенные. В таком случае, при выборе имени родители должны знать об этом и не называть своего ребенка «хрупким» именем.

— Вы меня не совсем поняли, — нахмурился гость. — Повторяю, я пришел сюда не для того, чтобы развлекать вас очередной безумной версией. Мои доводы основаны на многолетних исследованиях. Разрешите, я продолжу. Через некоторое время убийство произошло в Казани. Убийцей оказался сбежавший из тюрьмы преступник. Ему нужны были деньги и документы. Он прятался недалеко от вокзала, терпеливо выжидая возможную жертву. И дождавшись одинокого прохожего, пристрелил его и забрал все документы и деньги. Самое поразительное, что и в этом случае он мог убить другого человека, попросившего у него прикурить, но почему-то не выстрелил в него. Преступника звали Тимур. Нашлись и два свидетеля, ожидавшие в то время поезда. Их имена — Салахатдин и Чингиз. А погибшего, в которого выстрелил сбежавший преступник, звали Хусейн. Можете се-

бе представить, какой шок я испытал, услышав эти имена. Вы ведь родом из Баку, должны понимать, что это означает.

Эдгар вопросительно посмотрел на Дронго, не совсем понимая последние слова гостя.

— Дело в том, что имена Чингиз и Тимур довольно распространены среди татар, и вообще среди мусульман, — пояснил Дронго, — особенно у тюркских народов. Так звали двух правителей — Чингизхана и Тамерлана, то есть Хромого Тимура. Салахатдин же был египетским правителем, успешно сражавшимся с крестоносцами и отвоевавшим Иерусалим.

— Это я знаю, — ответил Вейдеманис. — А при чем тут Хусейн?

— Один из самых почитаемых людей среди шиитов, — продолжал Дронго. — Мечеть, где он похоронен, самая посещаемая в иракской Кербеле. Рядом находится мечеть его отца, имама Али, мужа Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Шииты считают, что Хусейн, павший смертью храбрых на поле боя, был законным наследником пророка, так как являлся его внуком. И сегодня во

многих странах, где живут шииты, отмечают день траура, когда верующие фанаты наносят себе удары цепями, плетью и просто ладонями в память о погибшем мученике имаме Хусейне. Это имя предполагает жертвенность, я вас правильно понял, уважаемый профессор?

— Да. Я решил изучить этот вопрос более досконально и для начала взять за образец Россию. Разумеется, я не могу проверить криминальные случаи из далекого прошлого, но на примерах конкретных исторических личностей можно проследить, как сказывались имена этих правителей на их судьбах.

— Вы считаете, что судьба человека зависит от его имени?

— Не только от имени. Но очень часто имя определяет характер и судьбу. Должен заметить, что и время рождения играет немаловажную роль — зимние дети отличаются от летних, весенние от осенних. Ведь и питание, и самочувствие матери меняется в зависимости от конкретных условий той или иной местности.